

— Сплошное вранье, — прозвучал голос в голове Чэнь Гэ.

Ли Синлань отрицательно качнул головой и едва заметно улыбнулся. При этом он даже не разомкнул губ — голос возник в сознании юноши отчетливо и ясно.

Чэнь Гэ заметил, как в воздухе истаяло призрачное голубое мерцание, и его осенило: Ли Синлань способен управлять силой души и читать чужие воспоминания? Впрочем, это открытие быстро отошло на второй план. Куда больше его поразило другое: этот безупречный, благородный господин в своих мыслях оказался язвительным и склонным к иронии. Это странным образом зацепило — Ли Синлань, опасный и загадочный, внезапно показался ему чертовски харизматичным.

«Черт, кажется, я краснею», — подумал Чэнь Гэ, отводя взгляд.

Ли Синлань, не подав виду, что заметил замешательство спутника, перевел разговор в мирное русло.

— В городе много плотников, — заметил он, обращаясь к хозяину дома. — Колесницы и деревянная утварь сделаны на редкость искусно. Должно быть, это и есть основной промысел местных жителей?

Услышав это, Хань Юань оживился.

— Именно так. Спустя год после того, как Бяньян был взят, Вэнь-хоу скончался, и на престол взошел Ай-хоу. В те времена земли к востоку от реки славились солью и железом, а торговля в царстве Хань процветала, не имея равных среди семи государств. Линъюнь хоть и стоит на отшибе, но всегда гостеприимно открыт для путников. Мы находимся за заставой Ханьгу, поэтому купеческие караваны здесь — частые гости. Окрестные горы богаты лесом: в избытке вяз, дуб, ясень. Искусство каретных дел мастеров у нас отточено веками и передается из поколения в поколение.

Хань Тан коротко и резко усмехнулся.

— Только вот Ай-хоу выкупил Бяньян обратно, а через шесть лет его самого прирезали. И-хоу правил всего одиннадцать лет, пока не отдал богу душу. У ханьских правителей век недолог: Бяньян вечно переходит из рук в руки. Теперь он и Цинь не нужен, и Хань боится за него братья.

Хань Юань с глухим стуком поставил кубок на стол. Он оставался спокойным, но в голосе прорезались сухие нотки:

— Тан-эр, прикуси язык. Не смей порочить память предков.

Подросток мгновенно вскипел. Вскочив с места, он выкрикнул:

— Чьих предков? Ханьских или циньских? Царство Хань дышит на ладан, а о титуле господина Бяньяна, пожалованном две сотни лет назад, помнишь только ты! Ты так лебезишь перед этим проходимцем Чжаном... Даже говорить об этом не хочу! Тебе, может, и не смешно, а мне за тебя стыдно до тошноты!

Хань Юань швырнул кубок. Керамика разлетелась вдребезги. Несмотря на гнев, он сдержался, лишь процедил:

— Хань Тан, где твое почтение? Чему тебя учили? Если всё, что ты умеешь, — это шляться по лесам, то иди в свою комнату и подумай над своим поведением.

Хань Тан отшвырнул палочки и направился к выходу.

— Если бы я не «шлялся», ты бы давно уже ноги протянул с голоду! — бросил он через плечо.

Хань Юань не стал его догонять. Прихрамывая, он вернулся на свое место и с тяжелым вздохом обратился к гостям:

— Прошу простить моего сына. У него строптивый нрав.

Чэнь Гэ сидел с открытым ртом. В Хань Тане он увидел самого себя — того, что вечно скандалил со старшим братом. Оказывается, трудные подростки и их «синдром восьмиклассника» — явление вневременное. Придя в себя, он попытался утешить хозяина:

— Ничего страшного, честное слово. Вот перерастет свой пубертатный бунт, сам всё поймет.

Хань Юань лишь непонимающе моргнул.

Ли Синлань парой точных фраз разрядил обстановку и изложил цель их визита. Линъюнь жил торговлей, поэтому горожане отличались широтой взглядов и легко принимали чужаков. Хань Юань, человек просвещенный и учтивый, охотно приютил троицу, несмотря на то, что в его доме шаром покати.

Чэнь Гэ, которому были скучны церемонные расшаркивания, принялся за тушеное мясо. Сделав пару глотков, он нашел варево пресным и без зазрения совести скормил всё Бэй Чэню.

Всего два дня назад Ли Синлань едва дышал в темной пещере, а теперь уже непринужденно

беседовал с местным лордом. Чэнь Гэ это казалось чудом. Этот человек, несмотря на тяжелые раны и изуродованное лицо, сохранял поразительное самообладание, словно держал все нити реальности в своих руках.

Ли Синлань вызывал противоречивые чувства — ровно так же, как выглядело его лицо: одна сторона — классический красавец, другая — воплощенный кошмар. Чэнь Гэ он не слишком нравился на интуитивном уровне, но разум подсказывал, что на этого человека можно положиться. Приходилось постоянно одергивать себя, чтобы не судить по внешности.

Приблизившись к Бэй Чэню, Чэнь Гэ прошептал:

— Слушай, он точно Весы по гороскопу. И сто процентов с асцендентом в Близнецах.

Так они и обосновались в поместье Хань Юаня.

Минуло три дня. Наступило девятое число девятого месяца — праздник Двух Девяток. После осеннего дождя небо прояснилось, воздух стал кристально чистым, а природа вокруг заиграла яркими красками.

— Чэнь Гэ! Слезай немедленно! А ну, спускайся, если не трус! — внизу надрывался Хань Тан, размахивая мечом.

Чэнь Гэ лениво развалился на черепичной крыше, закинув руки за голову и согнув одну ногу в колене. Посасывая травинку, он прищурился, глядя на мечущегося внизу подростка. Тот сейчас напоминал расфуфыренного кота, у которого шерсть встала дыбом — зрелище было на редкость забавным.

Разомлев на солнцепеке, Чэнь Гэ неспешно отозвался:

— Отстань, сегодня же праздник.

— Спускайся! — не унимался парень. — Давай сразимся как мужчины! Не на жизнь, а на смерть!

— Ха-ха-ха, ну ты и зануда! — Чэнь Гэ так расхохотался, что поперхнулся слюной и чуть не съехал с конька. Бэй Чэнь вовремя придержал его своей мощной лапой, затолкнув обратно.

Гигантский волк, не понимая шуток, воспринял слова юноши всерьез.

— Помочь тебе? Прикончить его? — деловито осведомился он.

Чэнь Гэ похолодел. Он подполз поближе и принялся теревить Бэй Чэня за уши. После того как они выбрались из гробницы в горах Сяошань, Бэй Чэнь явно пошел на поправку — видимо, сказалось хорошее питание. Но эта его привычка решать любые проблемы кровопролитием всё еще пугала.

— Почему ты так добр ко мне? — спросил Чэнь Гэ. — Брат Чэнь, я даже не знаю, как тебя отблагодарить.

Бэй Чэнь на мгновение замер, а затем небрежно бросил:

— Ты — потомок рода Бинцзу, и у тебя есть связь с ним. Не нужно благодарностей, у меня на тебя свои виды.

— Значит, все мяо считаются потомками Чи... то есть Бинцзу?

Бэй Чэнь провел алым языком по губам.

— В народе Цзюли была одна ветвь, истинная кровь Бинцзу. После битвы при Чжолу они ушли в земли Мяоцзян. Я искал их, но тщетно. Твоя кровь пахнет почти так же, как его.

— Ого, ты это по вкусу определил? А как его звали по-настоящему?

Бэй Чэнь уклонился от прямого ответа:

— Род Цзянь. Никто не смел называть его по имени. В его племени не было господ и слуг, а имена служили лишь порядковыми номерами.

— Он был великим человеком.

— Само собой.

— Так что там за «виды» у тебя на меня?

Бэй Чэнь посерьезнел.

— Бинцзу оставил мне два поручения. Первое исполнено. Второе — куда сложнее. Но у меня впереди вечность, я не тороплюсь. К тому же, в мире явились Иньские воины. Скоро земля пропитается кровью. Если мои сородичи решат вернуться и устроить резню, что ты на это скажешь?

— Ничего хорошего! Я же сто раз говорил: мы все живем под одним небом. Зачем делить мир на людей и демонов?

Бэй Чэнь лишь саркастически хмыкнул.

Чэнь Гэ вдруг осознал самое важное.

— Погоди... А что это за «Иньские воины» такие?

— Говоря твоим языком — зомби.

Чэнь Гэ лишился дара речи.

Бэй Чэнь сменил позу, устраиваясь поудобнее.

— В общем, береги нож. Когда придет время выполнять второе поручение, он мне понадобится.

— Так возьми его сейчас. Мне интереснее, что это за дело такое. Оно как-то связано с зомби? Поэтому ты идешь со мной — наши цели совпадают?

— Ты думаешь, реликвиями Бинцзу может пользоваться кто попало? Связь есть, но мне нужно сначала докопаться до истины.

— Мир — чертовски сложная штука, — вздохнул Чэнь Гэ. — У меня уже нет сил на всё это.

Бэй Чэнь, которому, видимо, нравилось перенимать словечки юноши, посмотрел в небо и повторил:

— Нет сил на всё это?

Ярко-красные цветы весенней вишни цвели так буйно, что ветви клонились к земле. Цветы усыпали черепичную крышу галереи, окружавшей дворик, свисая с карнизов пышными гроздьями. Казалось, над поместьем застыло алое облако.

Внизу, прислонившись к перилам галереи, сидел высокий мужчина в темно-синих одеждах. Он сидел безупречно прямо, держа в руках бамбуковый свиток. Левая часть его лица была скрыта тенью капюшона из тонкого шелка, а правая — идеальная и мужественная — то и дело мелькала в просветах цветочной завесы. В этом зыбком мареве он выглядел почти нереально.

Ли Синлань отложил свиток и поднялся навстречу Хань Тану.

— Тан-эр, — заговорил он. Его голос, почти полностью восстановившийся, звучал бархатисто и мягко, словно зимнее солнце — тепло, но с ощутимой дистанцией, внушающей невольное уважение. — Чэнь Гэ владеет фамильным стилем, он тренировался больше десяти лет. Проиграть ему не зазорно. Давай лучше я с тобой попрактикуюсь.

Чэнь Гэ на крыше так и замер. «Откуда он знает, что меня дома заставляли учить эти связки?» — пронеслось в голове, но тут же пришло осознание: Ли Синлань ведь был знаком с его братом.

Хань Тан, мгновенно остыв, с беспокойством посмотрел на мужчину:

— Может, не стоит? Ты же ранен. Как ты себя чувствуешь?

— Пока человек жив, такие пустяки не в счет, — Ли Синлань взял бамбуковый тренировочный меч и сделал приглашающий жест. Его движения были скупыми и выверенными — он больше походил на модель, позирующую для художника, чем на бойца.

Несмотря на юный возраст, Хань Тан обладал недюжинной силой — сказывались годы охоты. В бою он пер напролом, как разъяренный бычок.

Однако как только они начали, Чэнь Гэ не смог отвести взгляда от Ли Синланя. Тот владел мечом мастерски, а главное — крайне практично. Движения его были неторопливы, даже изящны. Поскольку левая сторона тела всё еще плохо слушалась, он работал только правой рукой. Он не вкладывал силу в удары; он гасил ярость подростка, мягко уводя его оружие в сторону обухом, и легким толчком отшвыривал парня от себя — ровно настолько, чтобы тот не упал.

— Тигр свиреп, он разит когтями. Бык силен, он бьет рогами, — голос Ли Синланя звучал спокойно, наставительно. — Но если у тебя в руках меч, забудь о грубой силе.

Хань Тан, тяжело дыша, попытался атаковать с левой стороны — там, где Ли Синлань был уязвим. Тот завел меч за спину, легким движением снизу вверх отбил удар и сделал широкий шаг вперед. Это было всего второе его перемещение за весь бой.

— В бою нет застывших форм. Нужно видеть замысел врага и действовать сообразно ему. Меч и рука должны стать единым целым.

Хань Тана отбросило на пару шагов. Когда он поднял голову, острие бамбукового меча Ли Синланя уже замерло у его горла. Мужчина оставался бесстрастным.

Ли Синлань эффектно крутанул меч, перехватил его локтем и закинул на плечо,

развернувшись к подростку. В этой позе чувствовалась природная мощь и абсолютная уверенность.

— Но лезвие легко сломать. Лучший способ — следовать силе противника, менять стратегию на ходу. И никогда не наноси колющий удар, если не уверен в нем на сто процентов.

Легкий ветерок шевельнул прядь его волос, и Ли Синлань едва заметно улыбнулся. Эта улыбка была подобна бликам солнца на весеннем озере — теплой и мимолетной.

Чэнь Гэ наблюдал за этим, едва не пуская слюни от восхищения. В какой-то момент он даже поймал себя на странной мысли: «Почему эти приемы кажутся мне такими знакомыми?»

— Если не пользоваться лезвием, зачем тогда меч? Взял бы палку, — Бэй Чэнь бесцеремонно подтолкнул Чэнь Гэ ногой, и тот кубарем скатился с крыши, прихватив с собой пару черепиц.

Ли Синлань обернулся на шум. Увидев Чэнь Гэ, который едва не плакал от обиды и боли, он на мгновение застыл. Он тут же перестал улыбаться. Он неловко отвернулся, сел на скамью и снова уткнулся в книгу.

В те времена ночных развлечений не водилось, люди ложились и вставали рано. После стычки Чэнь Гэ и Хань Тана было едва ли десять утра.

От нечего делать они еще немного поборолись, а затем, примирившись, отправились в город. Ли Синлань остался отдыхать, а Бэй Чэнь поплелся следом за ними, напоминая ворчливую няньку.

Будучи парнем избалованным, Чэнь Гэ очень трепетно относился к еде. Даже не проголодавшись, он затащил Хань Тана на рынок, устроив там такой марафон, что у бедного волка голова пошла кругом. Чтобы подопечный не потерялся в толпе, Бэй Чэнь просто подхватил его и усадил себе на плечи.

Поскольку платил Хань Тан, Чэнь Гэ ни в чем себе не отказывал: набрал клейкого риса, фасоли, сои... Всё это добро он развесил на поясе Бэй Чэня. Лишь в конце он вспомнил, что семья Хань Тана живет бедно, но извиняться было поздно — парень бы только разозлился.

— Пирог Чунъян! Хочу-нимагу! Кто умеет готовить? — вернувшись в поместье, Чэнь Гэ в отчаянии закружился на месте. — Так, ладно. Хань Тан, тащи солод, мед и соевое масло.

Хань Тан, глядя на гору ингредиентов, пригрозил:

— Если получится невкусно — я тебя самого съем.

— Ну, тогда приятного аппетита, — вздохнул Чэнь Гэ, не зная, с какого боку подступиться к продуктам.

Хань Тан закатал рукава, отпихнул приятеля и привычными движениями принялся колоть дрова и разводить огонь. Чэнь Гэ крутился рядом как назойливая муха:

— Не забудь про сухофрукты!

Хань Тан, повязывая поношенный фартук, отвесил ему легкий подзатыльник:

— Другого цвета не нашлось?

Чэнь Гэ просунул голову у него под мышкой:

— А солодовый сахар очень дорогой? Может, еще добавим?

Хань Тан уже был на грани взрыва.

— У тебя руки из того места растут? — прорычал он, когда Чэнь Гэ высыпал целую гору сахарной пудры.

— Ура! Пора ставить в печь! — ликовал юноша.

Хань Тан, обжигая пальцы, переставил дымящуюся пароварку на плиту.

— Отойди, ошпаришься.

Чэнь Гэ усердно помогал — точнее, мешал, вспоминая, как это делал старший брат. Под бесконечные споры и препикательства к обеду они сотворили гору ароматных праздничных пирогов.

Выбрав самые красивые куски, Чэнь Гэ разложил их на бамбуковом подносе, украсил бумажными флажками и накрыл чистой тканью.

— Отнесу Ли Синланю, нельзя бросать товарища в одиночестве. Хань Тан, идем! Ты же в нем души не чаешь.

С этими словами Чэнь Гэ схватил Хань Тана за шею и игриво почесал его под подбородком.

— Ммяу! — невольно вырвалось у подростка.

Чэнь Гэ замер. Хань Тан тоже.

— Не ожидал, что ты из «этих», господин хороший! — прыснул Чэнь Гэ.

Хань Тан вспыхнул до корней волос:

— Ты!.. Да как ты смеешь!

Впрочем, злился он недолго. Чэнь Гэ первым делом направился к кабинету господина Бяньяна. Получив разрешение войти, он запрыгнул внутрь и сияющим голосом объявил:

— Хань Юань! Сегодня праздник Чунъян, и Хань Тан приготовил для вас пироги. Желаем вам долгих лет жизни, а Бяньяну — процветания на века!

Хань Тан, которого Чэнь Гэ мертвой хваткой держал за руку, стоял рядом, не зная, куда деться от смущения.

Хань Юань, беседовавший в этот момент с Ли Синланем, просиял и тут же принял поднос.

— Вы замечательные дети. Здесь все свои, зови меня просто дядей.

Чэнь Гэ рассыпался в комплиментах, окончательно растопив сердце хозяина. Пользуясь моментом, он вытащил Ли Синланя из кабинета, решив оставить отца и сына наедине.

За дверью Чэнь Гэ победно вскинул руку, но тут же осознал, что всё еще сжимает ладонь Ли Синланя. Стало неловко.

Мужчина мягко высвободил руку и сделал шаг в сторону, увеличивая дистанцию. Чэнь Гэ почувствовал, как сердце екнуло, но решил во что бы то ни стало разрядить обстановку.

— Ли Синлань... может, сходим куда-нибудь? Полезем на гору, как положено в праздник?

Ли Синлань замер. Он обернулся, бросил на юношу короткий взгляд и молча пошел вперед.

Чэнь Гэ остался стоять на месте, лихорадочно соображая: «Это было “да”, “нет” или “пошел ты”?»